

АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Йошкар-Ола)

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИЗАЦИИ ГИДРОЛЕКСЕМЫ *-ельга*

В регионах, где имеются гидронимы с формантом *-га* (см. Куклин 1995 : 86—99), сосуществуют с ними и речные названия на *-ельга*. Ср., например, двусложные названия, содержащие гидролексему *ель-* (*иль-, ыль-, уль-, эль-*) и формант *-га*: *Вельга*, р. Моск. (КГ XLIX); *Ельга* [jel'ga], р. Арханг. (Серебрянников 1955 : 23); *Пельга*, р., правый приток р. Вала (МСВГ 1886 : 22); *Пильга*, р. в Западной Сибири (Дульзон 1970 : 88); *Сильга*, р., правый приток р. Васюган (Беккер 1970а : 17); р. *Ульга*; р. *Чульга* (Дульзон 1970 : 88).

Фонетический облик указанных речных наименований обобщенно передают формулы: CVC'ga, VC'ga.

Трехсложные гидронимы *Катыльга*, *Кожельга*, *Корыльга*, *Лозыльга*, *Матыльга*, *Нюнельга* [ɲuɲel'ga], *Тимельга* [tɪmel'ga] — Западная Сибирь (Дульзон 1970 : 88). Они имеют следующий фонетический облик: CVCVC'ga, CVCVC'ga, CVCVC'ga.

Топонимы, образованные с помощью гидролексемы *ель*: *Пангель*, название урочища Костр. (СНМКГ 100), ойконимы *Пйнгельмычаш Усола*, *Ул Пйнгельйял* (*Лал Пынгельйял*), *Пйнгельмычаш*, *Пйнгель Парнингаш*, *Кйшыл Пйнгельйял* (Горномарийской район Марий Эл), *Пйнгель*, р., правый приток Волги.

Как явствуют примеры, гидронимы на *-ельга* в рассеянном распространении отмечаются в Восточной Европе, включая среднюю полосу и северную часть, а в Западной Сибири, как отмечает А. П. Дульзон, они встречаются на территории проживания селькупов. Кроме того, на западе средней части Западной Сибири им зафиксированы названия на *-лга* (*-елга*, *-илга*, *-джилга*, *-жилга*), отсутствующие в районе Средней Оби. Касаясь ареала распространения гидронимов на *-лга*, А. П. Дульзон показывает, что он совпадает с местами проживания западносибирских татар, у которых *йылга* — общее название реки, например: *Елга*, *Чик-Елга*, *Васела*, *Кшлау-Елга*, *Улу-Елга*, *Ташелга*, *Яманьелга*, *Ташлы-Елга*, *Еманьелга*, *Куртъелга*, *Илга* и т. д. Однако этот топоформант, по его мнению, не отделяет территорию западносибирских татар от соседних башкир и казахов, но устанавливает точную границу с селькупам, в местах проживания которых встречаются названия на *-йга*, *-льга* и другие и полностью отсутствуют гидронимы на *-лга*, например: *Кожельга*, *Нюнельга*, *Лозыльга*, *Пильга*, *Сильга*, *Ульга*, *Чульга*, *Корыльга*, *Катыльга*, *Матыльга*, *Тимельга* (Дульзон 1970 : 88).

Восточноевропейские гидронимы на *-ельга* по происхождению, видимо, связаны с пермскими апеллятивами *эль*, *йуль* 'лесная речка'. Правда, комиЗ

эль наполнено лексическим содержанием 'небольшая лесная речка; лесной непересыхающий ручей' (ССКЗД 120), 'ручей в лесу; лесная речка' (Беляева 1968 : 22). Однако их этимология остается неясной. Б. А. Серебренников сопоставляет комиЗ эль с хант. вах. *jəl* 'живун, ключ, родник' (КЭСК Доп. 20).

Не исключая возможности такого сопоставления, следует тем не менее подчеркнуть, что в ваховском слове выступает не редуцированный гласный *ä*, а неогубленный палатальный гласный *e*, ср. вах. *jel*, вас. *jelä* 'живун, ключ, родник'; вах. *jel*, *jeŋk* 'живая, ключевая, родниковая вода' (Терешкин 1981 : 71). Наконец, к этой же семье слов надо отнести, видимо, аг., у.-аг., тр.-юг., юг., у.-юг. *jəŋrə* 'живун, живец (то место в реке, где она пополняется родниковой водой и где обычно скапливается рыба во время замора)' (Терешкин 1981 : 91). В связи с диалектными параллелями из хантыйского языка следует сказать о большой осторожности при привлечении их для демонстрации генетической связи с комиЗ эль. Здесь прежде всего бросается в глаза наличие в хантыйском языке лексемы *jilga*. По этому поводу, анализируя этнические дифференцирующие топонимы Сибири и Дальнего Востока, А. П. Дульзон отмечает, что у хантов в XVIII веке было в употреблении слово *jilga* в значении 'река', которое он отнес к татаризмам, вошедшим в язык хантов еще в то время, когда они проживали значительно южнее, в непосредственном соседстве или вперемешку с предками западносибирских татар (Дульзон 1970 : 95).

Этимологическое решение комиЗ эль затруднено тем, что оно не находит соответствий в волжских финно-угорских, прибалтийско-финских языках и в большинстве диалектов угорских языков. При этом обращает на себя внимание затемненное в семантическом отношении удм. *йуль*, уцелевшее в названии р. *Июль* — притока р. *Позимь* — и в производном от него ойкониме *Июльское* (название русского села в Воткинском районе Удмуртии).

Рассматривая удм. *йуль*, М. Г. Атаманов (1988 : 62) под вопросом определяет его лексическое значение как 'лесная речка'. Сопоставление удм. *йуль* с комиЗ эль представляется ему вероятным, поскольку звукосоответствие удм. *у* ~ комиЗ *о* не вызывает сомнений и подкрепляется примерами: удм. *юн* ~ коми *ён* 'сильный, крепкий', удм. *юриськыны* ~ коми *ёрны* 'клясть, проклинать', удм. *юш* ~ коми *ёкыш* 'окунь' и другие. По поводу фонетического облика названия села *Июльское* М. Г. Атаманов (1988 : 62) заметил, что пришлое русское население освоило удмуртское название, сблизив его под влиянием народной этимологии с наименованием месяца — *июль*.

Следовательно, ойконим *Июльское* создан на основе структурных элементов двух разных языков: удм. *йуль* + русский суффикс *ск* + русская флексия *ое*. Что касается суффикса *-ск-*, то он активно участвует в образовании имен прилагательных от географических названий и названий наций со значениями, указывающими на признаки лиц, предметов по отношению к тому, что названо производящим словом (Цыганенко 1982 : 165).

В этимологическом отношении комиЗ эль и удм. *йуль* являются скорее всего фонетическими вариантами некогда существовавшего уральского слова со значением 'лесная речка'. Представляется вероятным, что их древнейшим прототипом послужило сельк. таз. *söl'ki* 'лесная река': *söl* 'лесная' (Очерки 122) + *ki* 'река'. При этом, однако, следует отметить, что река в диалектах селькупского языка обозначается апофоническими вариантами *ка/ко/кы; гу/гы* (Беккер 1970б : 9), *ki*, являющимися генетически связанными. В научной литературе, как отмечает Э. Г. Беккер, существует точка зрения, высказанная А. П. Дульзоном, что гидронимы на *-ка/-га*, встречающиеся к западу от Урала, были созданы отдаленными предками селькупов (Беккер 1970а : 15).

Если для уральской праформы восстановить анлаутный *ʃ, трудно будет объяснить его замену среднеязычным щелевым *j* на почве пермских языков и диалектов хантыйского языка, неясным остается также усечение начального слога *šö* во многих селькупских названиях рек, например: *šöttal'-ki* 'река с выпрямленным руслом' (Очерки 68). Представляется, что гидроним имеет значение 'лесная река с прямым руслом'; *šipal'-ki* 'утиная река' (Очерки 67) — возможно, 'утиная лесная река'; *pül'al'-ki* 'галечниковая река' (Очерки 68) — 'галечная лесная река'.

Возможно, в *šölkj* начальный *š* является позднейшей инновацией, возникшей на почве селькупского языка. Однако его генезис можно проследить лишь путем привлечения достоверных данных селькупских диалектов, которые, к сожалению, до сих пор остаются недостаточно изученными.

Возвращаясь к отгидронимным ойконимам Республики Марий Эл (*Пёнгельмычаш* и др.), следует подчеркнуть, что название *Пёнгель* в официальных документах значит как *Пинель*. Ориентируясь на вариант, зафиксированный в документах, И. С. Галкин констатирует, что *Пёнгель* — это *Пёнель*, где согласный *g* появился позже. Само же слово *Пёнель*, как он правильно считает, сложное и состоит из двух компонентов: *пёнъ* 'сосна' + *ель* 'ручей, речка', т. е. 'речка в сосняке' (Галкин 1991 : 105).

Что касается заднеязычного *g*, то отсутствуют какие-либо фонетические условия для его появления на стыке двух компонентов гидронима-компози-ты и поэтому нет достаточных оснований рассматривать его как эпентетический согласный. Возможно, однако, что он представляет собой остаточный элемент гидроформанта *-ga*. Исходя из этого, можно предположить, что первичной формой гидронима была *Пёнгä* 'речка в сосняке' и лишь впоследствии она осложнилась элементом *-ель*. Утрата широкого палатального *ä* произошла для устранения стечения двух гласных, создающего определенные трудности при артикуляции.

Гидронимы, образованные от татарского апеллятива *йылга* (орф. *елга*) 'река', в пределах Волго-Камья в большом количестве встречаются в Татарстане. Они с достаточной детализацией систематизированы в работе Ф. Г. Гариповой «Татарстан гидронимнары сүзлеге» (Казан 1984; Словарь гидронимов Татарии), глубоко и всесторонне освещены в ее монографии «Исследования по гидронимии Татарстана» (Гарипова 1991). Поэтому нет необходимости вновь вводить в научный оборот гидронимы Татарстана, а следует заострить внимание на речных названиях Республики Марий Эл, генетически восходящих к тат. *йылга* 'река'. При этом надо признать, что в списке гидронимов Республики Марий Эл встречаются лишь отдельные примеры образований этого типа. Они, как правило, являются названиями небольших рек и ручьев.

Анализируя смысловой объем тат. *йылга* 'река', Ф. Г. Гарипова отмечает, что в современном татарском языке оно употребляется не только для обозначения небольших речек, притоков более крупных рек, как было в прошлом, но и для обозначения крупных линейных объектов (Гарипова 1991 : 32). Следовательно, в гидронимах Республики Марий Эл уцелели наиболее старые значения этого слова. Сказанное можно проиллюстрировать на конкретных примерах. Так, в Мари-Турекском районе Марий Эл имеется деревня *Елка*, расположенная на берегу одноименной речки. В «Материалах по статистике Вятской губернии» относительно данного селения сказано: «Въ д. Елкахъ, около р. Елки, замѣчается въ почвѣ незначительная примѣсь песку» (МСВГ 1887 83). Гидроним *Елка* является видоизмененной формой тат. *елга* 'река'. Его фонетический вариант *йылга* 'река' обнаруживается в сложном гидро-

ниме *Пертылга* (Моркинский район Марий Эл). Комментируя это название, И. С. Галкин (1991 : 98) справедливо подчеркивает, что *Пертылга* — это 'речка Перт', а не 'дом на реке', как гласит тополеганда.

Говоря о гидронимиконе Волго-Камья, необходимо отметить, что он создавался из многовековых лексических напластований генетически родственных и неродственных языков. Вычленение из его состава исконных, глубинных лексем сопряжено с рядом трудностей, основные среди них: недостаточная изученность многих диалектов уральских языков, отсутствие древних письменных памятников — имеющиеся памятники по отдельным финно-угорским языкам относятся к более позднему времени (ОФУЯ 25). Немаловажным фактором, затрудняющим выяснение происхождения гидронимов Волго-Камья, является исчезновение финно-угорских языков мери, муромы и мешеры как следствие славянской ассимиляции. Весьма возможно, что для ряда гидронимов этимологические нити тянутся к словарному составу именно этих языков. Кстати, гидронимы на *-ga* наиболее часто встречаются на территории былого проживания мерянского этноса: особенно много их в пределах Костромской области, чуть меньше — в Ивановской, Владимирской, Ярославской, Московской и Калининской областях. Однако с исчезновением указанных языков навсегда канули в прошлое те данные, которые могли бы стать ключом для решения ряда спорных вопросов происхождения гидролексем, формантов и других структурных элементов топонима, а также с иных точек осветили бы затемненные по значению слова и помогли бы в реконструкции их первичного фонетического облика.

Сокращения

аг. — аганский говор сургутского наречия хантыйского языка; **вас.** — васюганские говоры вах-васюганского наречия хантыйского языка; **вах.** — ваховские говоры вах-васюганского наречия хантыйского языка; **таз.** — тазовский диалект селькупского языка; **тр.-юг.** — тром-юганский говор сургутского наречия хантыйского языка; **у.-аг.** — усть-аганский говор сургутского наречия хантыйского языка; **у.-юг.** — усть-юганский говор сургутского наречия хантыйского языка; **юг.** — юганский говор сургутского наречия хантыйского языка.

Арханг. — Архангельская область; **Костр.** — Костромская область; **Моск.** — Московская область.

КГ — Костромская губерния. Список населенных мѣстъ по свѣдѣніямъ 1870—72 годовъ. Санкт-петербургъ 1877; **КЭСК Доп.** — В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев, Дополнения к Краткому этимологическому словарю коми языка. — Вопросы коми филологии, Сыктывкар 1975 (Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, вып. 18) (приложение); **МСВГ 1886** — Материалы по статистикѣ Вятской губерніи, т. 1. Малмыжскій уѣздъ. Съ приложеніемъ почвенной карты и карты урожайности, Москва 1886; **МСВГ 1887** — Материалы по статистикѣ Вятской губерніи, т. 2. Уржумскій уѣздъ. Съ приложеніемъ почвенной карты и карты урожайности, Вятка 1887; **ОФУЯ** — Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, Москва 1974; **Очерки** — А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушккина, Очерки по селькупскому языку, т. I. Тазовский диалект, Москва 1980 (Публикации Отделения структурной и прикладной лингвистики, вып. 8. Материалы полевых исследований. Серия монографий); **СНМКГ** — Списокъ населенныхъ мѣстъ Костромской губерніи (По свѣдѣніямъ 1907 года), Кострома 1908.

ЛИТЕРАТУРА

Атаманов М. Г. 1988, Удмуртская ономастика, Ижевск.
Беккер Э. Г. 1970а, О некоторых параллелях в гидронимии Европейского Севера и Западной Сибири. — Языки и топонимия Сибири, вып. 2, Томск.

- 1970б, О некоторых селькупских географических терминах. — Языки и топонимия Сибири, вып. 3, Томск, 8—11.
- Белыева А. В. 1968, Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии, Москва.
- Галкин И. С. 1991, Кто и почему так назвал. Рассказы о географических названиях Марийского края, Йошкар-Ола.
- Гарипова Ф. Г. 1991, Исследования по гидронимии Татарстана, Москва.
- Дульзон А. П. 1970, Этнически дифференцирующие топонимы Сибири и Дальнего Востока. — Языки и топонимия Сибири, вып. 2, Томск.
- Ку克林 А. 1995, К вопросу об этимологизации волго-камского гидронима -га. — LU XXXI, 86—99.
- Серебrennikov Б. А. 1955, Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР. — ВЯ, № 6, 19—31.
- Терешкин Н. И. 1981, Словарь восточно-хантыйских диалектов, Ленинград.
- Цыганенко Г. П. 1982, Словарь служебных морфем русского языка, Киев.

ANATOLIY KUKLIN (Joškar-Ola)

ON ETYMOLOGY OF THE HYDROLEXEME -ельга

The names ending in *-ga* coexist with the names of rivers ending in *-ельга* the regions which have hydronyms with the formative *-ga*. The East-European river names with *ельга*-forms are apparently connected with the Perm appellatives *эль*, *йуль* 'forest river'.

B. A. Serebrennikov compares the Komi-Zyryan *-эль* with the Hanty (Vakh) word *jäl* 'spring'. However, dealing with the Hanty dialectal data one must be careful because in the Hanty language there is the lexeme *jiłga*, which comes from the language of West-Siberian Tatars.

Etymologically the Komi-Zyryan *эль* and the Udmurt *йуль* are more likely the phonetic variants of the Ural word meaning 'a forest river'. Probably the most ancient prototype of them is the Selkup *šölky* 'forest river'.